

Корякина А. Ф. Аналогии в якутском олонхо и тувинском эпосе : сюжетно-композиционный строй, мотивы (на материале эпосов «Нюргун Боотур Стремительный» Г. К. Оросина и «Хунан-Кара» Чанчы-Хоо Ооржак) / А. Ф. Корякина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 303—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-303-319.

Koryakina, A. F. (2020). Analogies in Yakut Olonkho and Tuvan Epos: Plot-Compositional Structure, Motives (based on the Epics “Nyurgun Bootur the Swift” by G. K. Orosin and “Hunan-Kara” Changchi-Khoo Oorzhak). *Nauchnyi dialog*, 5: 303-319. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-303-319. (In Russ.).



УДК 398.2(=512.1)+82-13

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-303-319

АНАЛОГИИ В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО И ТУВИНСКОМ ЭПОСЕ: СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ СТРОЙ, МОТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПОСОВ «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» Г. К. ОРОСИНА И «ХУНАН-КАРА» ЧАНЧЫ-ХОО ООРЖАК)¹

© Корякина Антонина Федоровна (2020), orcid.org/0000-0002-6965-0699, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия), aitalilen@mail.ru.

В статье представлены результаты сравнительного анализа текстов якутского и тувинского эпосов с целью установления общих черт в эпическом наследии якутского и тувинского народов. Актуальность исследования обусловлена проблемой поиска генетических истоков формирования героического эпоса в современном эпосоведении. Рассмотрены степень изученности проблемы, стиль исполнения эпоса в сравнительном ракурсе. Особое внимание уделяется анализу сюжетно-композиционного строения, сюжетообразующих мотивов. В результате исследования выявлены данные, свидетельствующие о неоспоримости возникновения эпических сказаний якутского и тувинского народов на стыке их исторических и духовных контактов в тюрко-монгольском мире, об их общих генетических истоках. Найдены аналогии в манере исполнения сказителей. Обнаружена близость сюжетно-композиционной структуры: в обоих эпических памятниках присутствуют все элементы сюжетного состава, устойчивого для тюрко-монгольских эпосов. Установлено, что в изучаемых произведениях соприкасаются темы сватовства богатырей-героев и их богатырских героических походов, сражений с чудовищами ради защиты соплеменников. В обоих эпосах содержатся древние мотивы: родители обеспечивают героев богатырскими доспехами и конем; описание коня-друга, оборотничество героев; сватовство и женитьба и др.

¹ Благодарность: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Ключевые слова: эпос; якутское олонхо; тувинское сказание; сравнительное изучение; тюрки; сюжет; мотивы; типологические общности.

1. Введение

Исследователи, занимавшиеся изучением проблемы происхождения якутского героического эпоса (А. П. Окладников, И. В. Пухов, Г. У. Эргис, Н. В. Емельянов, Д. Т. Бурцев, В. М. Никифоров, А. И. Гоголев, В. Ф. Ермолаев и др.), подчеркивали генетическую близость якутского героического эпоса с эпосами тюркских народов Южной Сибири. В частности, А. П. Окладников писал: «Оформление олонхо протекало в условиях тесно-исторических связей и постоянного взаимодействия предков якутов как с их ближайшими родичами, предками нынешних саяно-алтайских племен, так и с древними монголами» [Окладников, 2013, с. 36]. Мнение исследователей сходится в одном: формирование эпического творчества якутов происходило во время тесных контактов с генетически близкими тюрко-монгольскими народами на территории Южной Сибири, впоследствии на новой родине якутов — территории Ленского края. Тувинский героический эпос — одна из ветвей эпического творчества тюркоязычных народов Южной Сибири.

Сравнительное изучение эпических традиций позволит выявить истоки родственных эпических традиций и раскрыть появившиеся в своем дальнейшем территориально самостоятельном развитии особенности эпического творчества народов, оторванных когда-то от тюркского мира. Роль сравнительно-типологического метода в изучении устного народного творчества была подчеркнута Б. Н. Путиловым: «... историческое изучение фольклора <...> невозможно без самого широкого и систематического сравнительного анализа, <...> без выявления и изучения фактов повторяемости, в конечном счете — без установления общих закономерностей и общих особенностей» [Путилов, 1976, с. 3].

Историко-типологический и структурно-сравнительный методы в изучении эпического творчества тюрко-монгольских народов были применены Е. М. Мелетинским [Мелетинский, 1963], В. М. Жирмунским [Жирмунский, 2004], Б. Н. Путиловым [Путилов, 1976], В. М. Гацаком [Гацак, 1989], И. В. Пуховым [Пухов, 2004а, 2004б], Г. У. Эргисом [Эргис, 1974]. В исследовании нами учтены идеи В. М. Жирмунского, нашедшего в текстах героического эпоса тюркских народов общие черты в отдельных мотивах, жанровых признаках, идейном содержании, эпических сюжетах, традиционных особенностях эпического стиля, сложении, исполнении и в устной передаче; Е. М. Мелетинского, обнаружившего схожесть якутско-

го олонхо с эпосом других тюрко-монгольских народов в мотивах героического сватовства, борьбы с чудовищами, одиночества героя, не знающего своих родителей, чудесного рождения героя, в характере сестер героя и женщин богатырей; Б. Н. Путилова, поставившего целью историко-типологического сравнения эпосов обнаружение соотношений в сюжетике, героях, композиции, основной идее, характере историзма и др.; И. В. Пухова, объяснившего близость эпосов якутского и тюрко-монгольских народов общностью их происхождения и культуры, а также территориальной близостью в период создания героического эпоса.

Первым из якутских исследователей проводил сравнительные исследования якутского олонхо с эпосами тюрко-монгольских народов известный эпосовед И. В. Пухов. В своих трудах он применил сравнительно-типологический анализ эпосов родственных тюрко-монгольских народов Алтая и Саян с целью определения генетических истоков происхождения якутского олонхо. При этом он считает генетическую общность древних эпосов результатом общности происхождения и культуры, а также совместного творчества родственных народов в отдаленном прошлом, а типологическое сходство — следствием схождения форм общественного развития народов скотоводческой культуры, а также «сходного творческого поиска в сходных жизненных условиях», проявившегося в деталях, эпизодах, сюжетах эпосов [Пухов, 1962, с. 87—108]. Мы опирались на два тезиса, которые были выдвинуты И. В. Пуховым: 1) якутское олонхо имеет генетически общие черты с древнейшими пластами других тюрко-монгольских народов Сибири, в том числе тувинского эпоса [Пухов, 2004б, с. 133]; 2) «общность охватывает основные поэтические признаки сказаний: стиль, сюжет, композицию, характерные образы» [Там же].

Ввиду актуальности сравнительного исследования якутского олонхо с тувинским эпосом целью данной статьи мы ставим выявление сходств в эпических текстах якутского и тувинского народов. К сравнительному анализу нами привлечены тексты якутского олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина [Нюргун ..., 1947] и тувинского эпоса «Хунан-Кара» Чанчы-Хоо Ооржака [Хунан-Кара, 1997].

2. Степень изученности эпосов

«Олонхо — общее жанровое понятие героического эпоса, принадлежащего якутам (самоназвание — саха) — самому северному осколку тюркского народа, занимающему примерно с VIII в. бассейн одной из великих рек мира — Лены» [Иванов, 2014, с. 8]. Сюжетный состав олонхо включает множество разных сказаний, их средний размер — 10—15 тысяч

стихотворных строк, а крупные олонхо доходят до 20 и более тысяч стихотворных строк [Там же].

В исполнительских текстах многих поколений сказителей на протяжении веков складывался этот самый крупный жанр устного народного творчества, в котором описывались боевые подвиги, совершаемые богатырями а й ы ради счастливой жизни своих соплеменников на родной земле и защиты их от чудовищ-а ба а с ы из Нижнего мира. Якутский эпос восхищает захватывающим содержанием, стройностью сюжета, удивительной фантазией, богатством поэтического языка, о котором Г. У. Эргис писал: «... пышный и величавый, насыщенный большим числом архаических слов и выражений» [Эргис, 1974, с. 207]. Олонхо есть кладезь других малых жанров якутского фольклора — алгысов (благопожеланий), заклинаний, пословиц, поговорок, отчего содержание его становится еще богаче.

Тувинский народ, как и якутский, чтит память своих высокоодаренных мастеров эпического сказительства, которые на протяжении веков играли определяющую роль в духовной жизни своего народа. В памяти народа остались имена талантливых сказителей Х. С. Сортуй-оола, Т. Х. Баазаная, Д. Д. Салчака и многих других.

В истории научного осмысления якутского и тувинского эпического наследия наблюдаются схожие моменты. Якутский героический эпос олонхо стал предметом изучения начиная с XVIII века. Он, как памятник устного народного творчества безграмотного в то время якутского народа, впервые заинтересовал академика Российской академии наук А. Ф. Миддендорфа во время работы в составе академической экспедиции на север и восток Сибири (1842—1845). Записанный им текст олонхо «Эриэдэл Бэргэн» был опубликован в 1878 году. Следующее олонхо «Эр Соготох» записано академиком О. Н. Бётлингом со слов А. Я. Уваровского и было опубликовано в 1851 году. Рассматривая олонхо как «неотъемлемую часть многовековой духовной культуры его носителей» и понимая, «что за ним кроется какая-то таинственная энергия народной мудрости» [Иванов, 2014, с. 6], И. А. Худяков, Р. К. Маак, В. Л. Серошевский, Э. К. Пекарский, С. М. Ястремской, В. Н. Васильев и другие исследователи произвели записи со слов олонхосутов и начали их изучение.

С развитием науки в советское и постсоветское время и представители якутской интеллигенции активно взялись за изучение олонхо. П. А. Ойунский, став директором открывшегося в 1935 году Института языка, литературы и истории, одной из главных задач института видел собирание, изучение фольклорно-эпического наследия народа. Поле научных изысканий постепенно расширилось, появились фундаментальные труды И. В. Пухо-

ва [Пухов, 1962; Пухов, 1975], Г. У. Эргиса [Эргис, 1974], Н. В. Емельянова [Емельянов, 1980; Емельянов, 1983; Емельянов, 1990], В. В. Илларионова [Илларионов, 1982; Илларионов, 2006], В. М. Никифорова [Никифоров, 2002; Никифоров, 2010]. В настоящее время изучением якутского героического эпоса плодотворно занимается Научно-исследовательский институт Олонхо, основанный в 2011 году при Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова.

Первые записи и изучение тувинского эпоса осуществили тоже российские ученые в конце XIX — начале XX веков. В 1861 году академик В. В. Радлов (1837—1918) в местечке Кара-Холь Западной Тувы записал в русской транскрипции и перевел на русский язык сказания «О богатыре Кюжюттен-Модуне» и «Пагай-Чуру». Впоследствии народный эпос начал исследоваться учеными-выходцами из тувинского народа. Целенаправленное изучение началось с открытием Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) в 1945 году. Исследователями собраны, зафиксированы эпические тексты, ведется их изучение. Понимая особую роль сказителей в духовном, эстетическом и нравственно-этическом сознании народа, сегодня в Туве они осуществляют работы по возрождению, сохранению сказительских традиций. Научные исследования тувинского эпоса проводятся разносторонне: в аспекте историко-этнографической характеристики эпоса, общности с эпосами саяно-алтайских народов, поэтики, стиля и т. д.

В своих трудах тувинские ученые отмечают так же, как и якутские эпосоведы, присутствие типологически сходных черт в эпических произведениях тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири [Гребнев, 1960; Куулар, 2000; Орус-оол, 2001; Хертек, 2005 и др.].

Со стороны якутских исследователей типологическую общность и особенности якутского и тувинского эпосов рассмотрели М. Т. Гоголева и В. В. Обоюкова. М. Т. Гоголевой отмечены соответствия в сюжетно-композиционной структуре, стихотворной основе, художественных средствах и особенностях сказительского искусства [Гоголева, 2014, с. 62—68]. В. В. Обоюкова обнаружила наличие сходств в формуле эпического времени; описании портрета, одежды, страны, владений, вооружения богатырей; описании коня, гнева богатыря, его борьбы с чудовищами; в мотиве превращения богатыря или коня в паршивого парня или слугу и т. д. [Обоюкова, 2015].

Вызывает интерес схожесть в определении жанра якутского и тувинского эпосов. В. М. Жирмунский определял эпосы тюрко-монгольских народов Сибири как богатырские сказки, которые одинаково отличают ми-

фологизм и сказочная фантастика [Жирмунский, 1974, с. 222]. Тувинцы, живущие на территории Тувы, и тувинцы Цэнгела в Монголии называют героический эпос и сказки одним словом *тоол* (сказка). Впервые С. А. Сарыг-оол «четко разграничил героические сказания от сказок, систематизировал их по тематическому и идейному содержанию. Подробно изложил сюжет сказания “Танаа-Херел”, он отнес его к героическому сватовству, а остальные, вошедшие в сборник, — к борьбе против иноземных врагов» [Орус-оол, 2001, с. 16]. Жанр якутского олонхо в первых исследованиях тоже был определен как сказка. Термин этот был введен в научный обиход политссыльным И. А. Худяковым. И. В. Пухов дал объяснение данному определению: «И. А. Худяков не оставил специального теоретического исследования об олонхо и его жанре. Поэтому можно только сказать предположительно, что олонхо он назвал “сказкой”, основываясь на фантастическом характере его сюжета» [Пухов, 1962, с. 20]. Термин олонхо в отношении жанра якутского эпоса впервые употребил Р. К. Маак, который в числе первых осуществил записи сюжетов двух ранних олонхо и озаглавил первый текст на якутском языке — «Олонгхо» [Маак, 1887, с. 125].

Аналогии отмечаются также в обрядности исполнения эпосов. Перед тем, как приступить к исполнению эпоса, тувинские сказители-тоолчулар произносили «*Шьяан!*» («*Так вот!*»). А слушатели в любом месте повествования подбадривали восклицаниями «*Шьяан ам, дже амдыы*» («*Далее!*»). Слушатели же олонхо в знак одобрения время от времени восклицали «*Ноо!*». От таких знаков внимания олонхосут вдохновлялся, своим красочным языком, прекрасным голосом, артистичностью превращая олонхо в произведение искусства. Якутские сказители исполняли олонхо в основном вечером и ночью, сидя перед печкой камелёк, положив одно колено на другое, иногда закрыв глаза и заслонив одно ухо ладонью [Иванов, 2014 с. 5]. Читая воспоминания о тувинском сказителе Чанчы-Хоо Ооржак, мы приходим к мысли, что его манера исполнения героических сказаний весьма близка к манере исполнения якутского олонхо: «Он исполнял, сидя на своем излюбленном месте возле очага, сложив руки на коленях. Обладал исключительной памятью, во время повествования никогда не делал пауз, чтобы вспомнить продолжение. Излагал сказания от начала до конца речитативом, вдохновенно и увлекательно. Особенно впечатляла слушателей красота его поэтической речи» [Орус-оол, 2001, с. 96]. Исполнялись сказания, как правило, напевным речитативом. Таким образом, наблюдается некоторая близость в манере исполнения эпосов: эпосы исполнялись сказителями вдохновенно, артистично, с полной передачей их высокого поэтического стиля.

3. Сюжетно-композиционный строй якутского эпоса «Нюргун Боотур» и тувинского «Хунан-Кара»

В 1895 году К. Г. Оросин по просьбе Э. К. Пекарского сделал самозапись олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», затем Г. У. Эргис перевел эту запись на русский язык, она была впервые опубликована отдельной книгой в 1947 году. Один из лучших образцов тувинского героического эпоса «Хунан-Кара» был зафиксирован в магнитофонной записи в исполнении известного сказителя Тувы Чанчы-Хоо Ооржак Чапаажыковича. Текст был включен в 1997 году в том «Тувинские героические сказания» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» на языке оригинала и в переводе на русский язык А. В. Кудиярова.

Отметим, что в якутском сказительстве бытовали олонхо, название которых напоминало название тувинского «Хунан-Кара». В них присутствовал эпитет *хара*, букв. «черный», приобретающий в составе наименования различную семантику: «Хара Кырчыт» («Сильный, занимающийся ястребиной охотой») [Приклонский, 1891], «Бэрт Хара» («Лучший Силач») в записи И. А. Худякова от неизвестного сказителя [Образцы ..., 1918, с. 237—244].

По сюжету якутские олонхо Н. В. Емельянов классифицировал по группам: заселение Среднего мира, родоначальники племени ураангхай саха, защитники племени айыгы и ураангхай саха [Емельянов, 1980]. В них предстает жизнь богатыря от рождения до его победного возвращения в Средний мир после завершения боевых походов. В прямой связи с основным сюжетом разворачиваются и другие сопутствующие сюжеты.

Изучавшая сюжет эпоса «Хунан-Кара» С. М. Орус-оол подчеркивала: «Несмотря на индивидуальные особенности исполнительского мастерства сказителей, для них характерна однотипная схема развития сюжета и композиции, общие, совпадающие конструктивные элементы повествования. Сюжет <...> строится в соответствии с тувинскими сказаниями: традиционное создание семьи и борьба за освобождение от иноземных захватчиков» [Орус-оол, 2001, с. 339].

В якутском олонхо зачин бывает разнообразным, для него характерны мотивы эпического времени, сотворения мира, описания природной красоты и изобилия Среднего мира, одиночества богатыря и т. д. В тексте олонхо К. Г. Оросина зачин имеет архаичные корни: в нем присутствует мотив сотворения мира и заселения Среднего мира племенами ураангхай саха: *Сир гиэнэ киинэ сир буолан / сирэйдийбит эбит, / дойду гнэнэ долгурата буолан / туругуран тулсубут эбит* (Эта местность, как пуп земли, / Прочно в полном расцвете утвердилась, / И как самое великопное

средоточие мира / В полной и пышной красе установилась) [Нюргун ..., 1947, с. 65]. В зачине эпоса «Хунан-Кара» описывается сказочно богатая страна будущего богатыря: *Алдын-Булак, / Мөңгүн-Булак / Сугдуг-даа чумези иргин ийин. / Өвүрзунде чиңнеп хавырар / Өле-булалыг-даа, Арызында чиңнеп хавырар / Арбын-тумен алалыг-даа / Чумези иргин ийин* (В краю Шил-Дага, Шилен-Дага / Были у него деревья — / Алоэ-санда, / Пестрый сандал; / Были у него воды — Золотого ручья, / Серебряного ручья; / Были у него / [Кони] разных мастей, / Выпасаемые на южном склоне, / И многие тысячи пегих [коней], / Выпасаемых на северном склоне) [Хунан-Кара, 1997, с. 121].

Мотив появления тувинского богатыря с особенным обликом является широко распространенным для тюрко-монгольских эпосов: у Хунан-Кара поясница *из чугуна сотворена, грудь из стали сотворена* [Там же, с. 67]. В якутском эпическом наследии укоренился в качестве устойчивого мотива мотив чудесного рождения богатыря. В олонхо К. Г. Оросина Нюргун Боотур родился богатырем в Верхнем мире: *Мин уолум төрүөтэбинэ, / чакыйан ытаабыт саҕатыгар / бу сатыы маҕан халлаан, / кута курдук күөгэлдьийэн хамнаабыта, / сандаҕалаах маҕан халлаан / атыйахтаах уу курдук дьалкыйа сыспыта* (Когда он родился, / вот это пешее небо / от резкого плача новорожденного / сотрясилось, как болотная зыбь, / пресветлое лучистое небо чуть / не расплескалось, как вода в черпаке берестяном) [Нюргун ..., 1947, с. 76].

В сказаниях К. Г. Оросина и Чанчы-Хоо Ооржака присутствует мотив быстрого роста чудесно рождённых мальчиков. В «Хунан-Кара» мальчик за одни сутки становится годовалым ребенком, за двое суток — двухлетним. В олонхо из-за стремительного роста мальчика его нарекают Нюргун Боотуром Стремительным и начинают готовить к отправке в Средний мир для защиты племени айгы от нашествий чудовищ-абаасы: *Улаатан тиийэн кэллэ: / Үрдүгэ — үрдүк тиити / төргүү мутугунан холобурдаах, / намыһах тиити / кылаан чыпчахайынан холобурдаах / киһи буолла* (Паренек быстро вырос; / Ростом стал до нижних ветвей / Высоких деревьев / Или до верху кроны / Низких лиственниц) [Там же, с. 100].

Зачин обоих эпосов сходится в подробном описании удивительно красочной, богатой страны героя-богатыря и его владений, в чудесно стремительном превращении новорожденных мальчиков в богатырей. В обоих эпосах отсутствует мотив эпического времени, которым традиционно начинается эпос. Если якутское олонхо начинается с архаичного мотива сотворения мира, то в тувинском эпосе данный мотив отсутствует. Тувинского богатыря никто не назначает защитником от чудовищ. Будущего

богатыря Нюргун Боотура по велению небесного божества Юрюнг Аар Тойона поселяют в Средний мир, «чтоб улусы солнечные защитить, чтоб людей от гибели оградить» [Там же, 1947, с. 97]. В тувинском эпосе отсутствует описание священного дерева, которое является символом изобилия в якутском эпосе.

По традиции якутского сказительства в завязке сюжета о предстоящей беде извещается по-разному: богатыри абаасы отправляют вестников в облике птиц-чудовищ; сами абаасы появляются в чужом облике; прибывают слуги с известием о нападении чудовищ-абаасы и проникновении во владения почтенных стариков; мольбу о помощи от родителей похищенных девушек айыы передают братья этих девушек. В завязке сюжета «Хунан-Кара» два чудовища-шухбу ведут разговор о том, что надо бы убить новорожденного сына Далай-Байбын-хана, который не даст им покоя на старости лет. Они сговариваются убить его, *пока не очистился пушок на его голове, пока его мышцы голени не окрепли* [Хунан-Кара, 1997, с. 73]. Однако молодой богатырь Хунан-Кара сам убивает этих первых своих врагов-чудовищ: *Амырга-Кара маңгыстың аксындыва / Чортуп халдып-ла кире берген турган иргин ийин. / Шулубуну өрттендир-хуюкталдыр адын / Үндүрүпкен турган-даа иргин ийин. / Шулубу-даа бастыган-на турар бооп-тур* ([Прямо] в пасть Амырга-Кара-макгыса. / Шулубу так прострелило, / Что его [даже] опалило огнем, И шулубу побежден оказался!) [Там же, с. 88—89]. Завязка сюжета олонхо «Нюргун Боотур» является распространенной в якутском олонхо: на облаке прибывает небесный вестник и сообщает, что красавицу, сестру богатыря, похитил богатырь Нижнего мира. Нюргун Боотур, выполняя свою миссию, отправляется вдогонку за богатырем абаасы. Настигнув врага, Нюргун хватает на скаку свою сестру, сажает на коня и отправляет ее с конем на родину, а сам остается, чтоб биться насмерть с похитителем. В отличие от якутского олонхо в тувинском эпосе отсутствует вестник, о своем преднамерении заявляет сам похититель.

Далее в эпосах развиваются основные события: героические походы, совершаемые богатырями для защиты своих соплеменников или ради собственного сватовства. Развитие действия «Хунан-Кара» начинается с темы сватовства: Хунан-Кара решает поехать свататься к дочери Узун-Сарыгхана. Но тут его поджидают такие препятствия, как сражения с мифическими существами: Демир-Мого небесного происхождения, с железной пуповиной, имеющим железного коня, и чудовищем-мангысом, пожирающим за раз целое селение с его подданными и скотом. Богатырь проходит и через трехкратное испытание, устроенное отцом невесты Узун-Сарыгханом: в брачном состязании в скачках и в рукопашной схватке он

одерживает победу над своим соперником Демир-Мого. При дальнейшем развитии событий Хунан-Кара, возвратясь домой, застаёт стойбище родителей разграбленным и узнаёт, что их взял в плен грабитель и захватчик хан шулбу Кара-Когел-хан. Хунан-Кара отправляется в очередной поход, чтобы освободить своих родителей из неволи.

При развитии действия «Нюргун Боотура» главный герой вступает в страшный бой с чудовищем-абаасы Тимир Ыйыста Хара. В этом сражении обоим богатырям помогают сёстры-шаманки: богатырю Ыйыста Хара — его сестра Ытык Хахайдаан, а Нюргун Боотуру — Айбы Умсуур удаган, которая волшебным дуновением сбросила Ыйыста Хара в Огненное море. Следующую победу Нюргун Боотур одерживает над владыкой западного Ледовитого моря Тимир Джэсиэнтэй, вознамерившимся отобрать у родителей девушку айыы, красавицу Туяаарыма Куо.

В эпосах тюрко-монгольских народов в описание становления богатыря-защитника сказители привносят излюбленный ими и их слушателями мотив коня. Конь у богатыря в боевом походе — помощник, незаменимый советчик, который в любую минуту спешит на помощь хозяину. К. Г. Оросин соблюдает традицию: Нюргун Боотуру заранее предназначен свыше резвый молодой конь Быстроногий Гнедой Скакун. Описание езды его коня — особенно захватывающее место в олонхо, при сказывании которого перед глазами слушателей оживает зрелищная картина: *Ам <...> түөрт хаардаах бугул саба / сизлинэн, кутуругунан кынаттанна да / көтөн куугунаан истэ. / кулгаабын тыаһа / орулуос кус кынатын тыаһын курдук / куугунаан истэ; / сирэйэ тыһы талабынан / быһыта сынньар курдук / сырылаан истэ* (Конь <...> поднялся и полетел, / держась на крыльях из хвоста и гривы. / Уши (всадника) звенели, / как крылья утки гоголя; / по лицу его сек воздух, / словно бил тальниковым прутом) [Нюргун ..., 1947, с. 116] и пр. Удивительно похоже описание скачущего коня Хунан-Кара у тувинского сказителя: *Тепсени кааптарга, / Чеди хем кежир, / Чеди арты ажыр, / Дээрниц сьлдызы / Черге тоглап, / Черниц довураа / Дээринге шаштыккан турган иргин ийин. / Ужудуп, халыдып олурган иргин ийин* (Семь рек пересек, / Семь перевалов перевалил; / Так мчался, бежал, / Что звезды с небес / На землю падали, / Прах земли / К небесам поднимался. / Так брыкался, / Что гористые земли / Становились равнинными, / Так брыкался, / Что равнинные земли / Становились гористыми) [Хунан-Кара, 1997, с. 103]. Оба коня могут говорить человеческим языком, появляются по первому зову хозяина. Конь тувинского богатыря улетает в небо, конь якутского богатыря летит по воздуху, при этом его грива превращается в крылья.

Между этими образами в рассматриваемых эпосах мы находим не только типологическое сходство, но и, бесспорно, наличие генетической связи между эпическими традициями якутского и тувинского народов, у которых основным видом традиционного хозяйства было коневодство.

Традиционным элементом якутского олонхо является описание того, как богатырские доспехи по наказу родителей куют знаменитые кузнецы и вручают богатырю с благословением. Так и происходит в олонхо «Нюргун Боотур». А отец Хунан-Кара вручает ему перед боевым походом не только богатырскую одежду, но и богатырское оружие — тугой крепкий лук и боевую стрелу, изготовленные могучим кузнецом по его наказу. Здесь оба сказителя придерживаются устоявшегося мотива в эпосе тюрко-монгольских народов — получения в дар от родителей богатырских снаряжений.

В обоих эпосах устойчивый для этого жанра у многих народов мотив оборотничества является неотъемлемой частью фантастического эпического мира. Вызывают интерес многочисленные перевоплощения главных героев и окружающих их персонажей на протяжении всего повествования. Айыы Умсуур удаган на помощь к брату появляется в облике мифической птицы Ёксёкю. Нюргун Боотур ныряет в Мертвую воду, обернувшись железной щукой, и становится бессмертным. В «Хунан-Кара» Сай-Тоюнханша принимает сто восемь обликов; женщина-шулбу становится великаном-мангысом, способным развеять в прах Нижний мир своей нижней губой, а верхней губой — вымести облака в Верхнем мире. Сам Хунан-Кара во время сражения предстает то в облике сразу ста богатырей Хунан-Кара, то в виде мальчика в войлочном одеянии. Описание мотива сражений обоими сказителями, как подобает героическому богатырскому эпосу, дается с особым пристрастием, богатыри бьются с чудовищами не один раз. В обоих эпосах присутствует мотив сватовства, мотив защиты соплеменников. Врагами богатырей являются чудовища-захватчики, похитители.

В кульминации Хунан-Кара прибывает на стойбище чудовища-мангыса Кара-Когел-хана, способного поглотить целое селение, подданных, скот. В отличие от других чудовищ Кара-Когел-хан имеет и реальные черты: живет в юрте, имеет многочисленное войско, скот. Чудовище предлагает богатырю Хунан-Кара принять участие в народной игре — баги. В этой игре Хунан-Кара узнает, где скрыты смертные души Кара-Когел-хана, находит и уничтожает их. Так богатырь освобождает народ из плена хана-шулбу. В якутском олонхо кульминацией становится бой, предпринятый Нюргун Боотуром для спасения красавицы Ючюгэй Юкэйдээн Куо. Он побеждает в бою богатыря абаасы, разрубив волшебной плеткой его доспехи и ударив его мечом. Так он спасает жизнь девушки Ючюгэй

Юкэйдээн Куо, её жениха — богатыря Кюн Джирибинэ — и отца Орулуос Дохсуна.

Эпизоды битвы противников в обоих эпосах схожи в описании эмоционального накала, храбрости, находчивости главных героев. Однако наблюдается отличие: в тувинском эпосе Кара-Когел — хан, наделенный реальными человеческими чертами. Герой якутского олонхо Нюргун Боотур имеет божественное происхождение, он специально послан, чтобы защитить жителей Среднего мира от нападений представителей абаасы. Соответственно своему назначению он необыкновенен: не по-человечески грандиозен, могущественен. Он — герой архаичного эпоса. Это позволяет нам предположить, что тувинский эпос «Хунан Кара» относится к более поздним напластованиям, чем олонхо «Нюргун Боотур Стремительный».

В развязке сюжета тувинский богатырь освобождает своих родителей. Устанавливается счастливая жизнь в его родном стойбище. Якутский богатырь встречает своего брата Юрюнг Уолана; женится на девушке-богатырке Кыыс Нюргун, поборов её в схватке; освобождает по её просьбе брата Айыы Джурагастая, попавшего в волшебные сети Алып Хара и увязшего в трясины Нижнего мира. Богатыри айыы с победой возвращаются в страну Нюргуна. Айыы Умсуур благословляет брак своего брата с Кыыс Нюргун, брак Айыы Джурагастая с Айталы Куо. Брат Нюргуна, Юрюнг Уолан, встречает их вместе со своей женой Туйаарыма Куо. Айыы Джурагастай, будучи небожителем, взяв свою жену, улетает на небо. Айыы Умсуур, прошившись с братьями, тоже навсегда улетает на небо. Кыыс Нюргун приводит кузнецов Кыдай Бахсы, которые возводят жилище для новобрачных. Нюргун Боотур со своей женой начинают жить в богатстве и изобилии. Они становятся родоначальниками якутов.

Таким образом, при сравнении сюжетно-композиционной структуры тувинского эпоса «Хунан-Кара» с сюжетом якутского олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» выявляются сходные структурные элементы и черты. В них присутствуют все элементы сюжетного строя героического эпоса: зачин, завязка, развития действия, кульминация, развязка. Сюжетно-композиционный строй обоих эпосов содержит сказания о богатырях, которые вступают в схватку с чудовищами иного мира для защиты своих соплеменников. Якутское олонхо и тувинский эпос близки по ключевым темам — героического сватовства и борьбы против иноземных врагов.

4. Заключение

Сопоставительный анализ сюжетно-композиционных структур и мотивов в якутском и тувинском эпосах позволил выявить наличие типо-

логических и генетических связей между якутским олонхо и тувинским героическим эпосом, что подтверждает обоснованность научных выводов И. В. Пухова. Найдены общие особенности в истории научного изучения якутского олонхо и тувинского героического эпоса. Проведены аналогии в манере исполнения сказителей. Отмечается сходство двух традиций в сюжете, его разворачивании, основных мотивах. Обнаружена близость сюжетно-композиционной структуры эпосов: в обоих эпосах присутствуют все элементы устойчивого сюжетного состава тюрко-монгольских эпосов: зачин, завязка, развитие действия, кульминация, развязка. В обоих эпосах присутствуют древние мотивы, которые составили сюжетную канву и каркас произведений: получение в дар от родителей богатырских доспехов, коня; совершение богатырских походов богатырями; описание коня-друга; оборотничество героев; победа богатыря над врагами, его сватовство и женитьба; установление счастливой, спокойной жизни на родине богатырей. Мы считаем тесно взаимосвязанными характерные для рассмотренных жанров ключевые темы сватовства героев-богатырей и их героических походов (сражений с чудовищами для защиты соплеменников). Таким образом, в ходе исследования представлены данные, свидетельствующие о неоспоримости возникновения эпических сказаний якутского и тувинского народов на стыке их исторических и духовных контактов в тюрко-монгольском мире, об их общих генетических истоках. Богатство содержания якутского олонхо и тувинского эпоса — это результат многовековых контактов, взаимовлияний, взаимодействий разных эпических традиций.

Содержание эпоса каждого народа неоднородно, при этом в них можно проследить слияние разных эпических традиций. Результаты нашего исследования будут в дальнейшем способствовать получению новых научных данных в сравнительном изучении эпического творчества народов, проходивших общий путь исторического и духовного развития в тюрко-монгольском мире.

Acknowledgments: The study was carried out as part of the NEFU research project “Heroic Epics of the Turkic-Mongolian Peoples of Eurasia: Problems and Prospects of Comparative Study” / Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Источники

1. *Нюргун* Боотур Стремительный. Якутское олонхо / Текст К. Г. Оросина. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1947. — 410 с.
2. *Хунан-Кара* // Тувинские героические сказания / составители С. М. Орус-оол. — Новосибирск : Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. — 584 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 12). — С. 54—297.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени : Историческое исследование поэтики / В. М. Гацак. — Москва : Наука, 1989. — 256 с.
2. Гоголева М. Т. Олонхо и тувинские героические сказания / М. Т. Гоголева // Вестник СВФУ. — 2014. — Т. 11, № 4. — С. 62—68.
3. Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос : опыт историко-этнографического анализа / Л. В. Гребнев. — Москва : Восточная литература, 1960. — 144 с.
4. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1990. — 208 с.
5. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1983. — 246 с.
6. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1980. — 375 с.
7. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Избранные труды / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1974. — 727 с.
8. Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса / В. М. Жирмунский // Фольклор Запада и Востока : Сравнительно-исторические очерки. — Москва : ОГИ, 2004. — С. 235—236.
9. Иванов В. Н. Олонхо — уникальное явление в мировой эпической культуре / В. Н. Иванов. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. — 156 с.
10. Илларионов В. В. Искусство якутских олонхохосутов / В. В. Илларионов. — Якутск : Книжное издательство, 1982. — 126 с.
11. Илларионов В. В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо / В. В. Илларионов. — Новосибирск : Наука, 2006. — 189 с.
12. Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центральноазиатских устно-поэтических традиций : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Д. С. Куулар. — Улан-Удэ, 2000. — 46 с.
13. Маак Р. К. Вилюйский округ Якутской области / Р. К. Маак. — Санкт-Петербург, 1887. — Т. 3. — 592 с.
14. Мелетинский М. Е. Происхождение героического эпоса : ранние формы и архаические памятники / М. Е. Мелетинский. — Москва : Восточная литература, 1963. — 464 с.
15. Никифоров В. М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу : история фиксации и специфика интерпретации / В. М. Никифоров. — Новосибирск : Наука, 2010. — 139 с.
16. Никифоров В. М. Стадии эпических коллизий в олонхо / В. М. Никифоров. — Новосибирск : Наука, 2002. — 208 с.
17. Образцы народной литературы якутов / Э. К. Пекарский. — Т. 2, выпуск 2. — 1918. — С. 191—258.
18. Обоюкова В. В. Сравнительный анализ эпических сюжетов (на материале якутского и тувинского эпосов) / В. В. Обоюкова // Сравнительное изучение тюрко-монгольских эпосов : материалы Всероссийской научной конференции. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2015. — С. 59—68.
19. Окладников А. П. История Якутской АССР / А. П. Окладников. — Москва-Ленинград, 1955. — Т. 1 : Якутия до присоединения к Русскому государству. — 432 с.
20. Окладников А. П. Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом / А. П. Окладников. — Якутск : Сайдам, 2013. — 64 с.

21. *Орус-оол С. М.* Тувинские героические сказания : текстология, поэтика, стиль / С. М. Орус-оол. — Москва : Макс Пресс, 2001. — 422 с.
22. *Приклонский В. Л.* Якутские народные поверья и сказки / В. Л. Приклонский // Живая старина. — 1891. — Выпуск 3. — С. 139—148.
23. *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б. Н. Путилов. — Ленинград : Наука, 1976. — 244 с.
24. *Пухов И. В.* Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо / И. В. Пухов. — Якутск : Издательство СО РАН, Якутский филиал, 2004а. — 328 с.
25. *Пухов И. В.* Олонхо — древний эпос якутов / И. В. Пухов. — Якутск : Сайдам, 2013. — 48 с.
26. *Пухов И. В.* От фольклора к литературе / И. В. Пухов. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1975. — 128 с.
27. *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо. Основные образы / И. В. Пухов. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1962. — 255 с.
28. *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо : публикации, перевод, теория, типология / И. В. Пухов. — Якутск : Издательство СО РАН, Якутский филиал, 2004б. — 207 с.
29. *Хертек Л. К.* Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях (сюжеты и образы) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09. — Москва, 2005. — 211 с.
30. *Эргис Г. У.* Очерки якутского фольклора / Г. У. Эргис. — Москва : Наука, 1974. — 402 с.

ANALOGIES IN YAKUT OLONKHO AND TUVAN EPOS: PLOT-COMPOSITIONAL STRUCTURE, MOTIVES (BASED ON THE EPICS “NYURGUN BOOTUR THE SWIFT” BY G. K. OROSIN AND “HUNAN-KARA” CHANGCHI-KHOO OORZHAK)¹

© Antonina F. Koryakina (2020), orcid.org/0000-0002-6965-0699, PhD in Pedagogics, senior researcher, Olonkhovedenie Sector, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia), aitalilen@mail.ru.

The results of a comparative analysis of the texts of the Yakut and Tuvan epics in order to establish common features in the epic heritage of the Yakut and Tuvan peoples are presented in the article. The relevance of the study is due to the problem of searching for the genetic origins of the formation of the heroic epic in modern epiconception. The degree of knowledge of the problem, the style of performance of the epic in a comparative perspective are examined. Particular attention is paid to the analysis of the plot-compositional structure, plot-forming motifs. As a result of the study, data were revealed that testify to the undeniable occurrence of epic legends of the Yakut and Tuvan peoples at the interface of their historical and spiritual contacts in the Turkic-Mongolian world, about their common genetic origins. Analogies are found in the manner of performing the storytellers. The proximity of the plot-compositional structure was discovered: in both epic literary texts there are all elements of the plot composition, stable for

¹ *Acknowledgment:* The study was carried out as part of the NEFU research project “Heroic Epics of the Turkic-Mongolian Peoples of Eurasia: Problems and Prospects of Comparative Study”.

the Turkic-Mongolian epics. It is established that in the studied works the themes of matchmaking of bogatyr-heroes and their heroic campaigns, battles with monsters in order to protect fellow tribesmen are in contact. Both epics contain ancient motifs: parents provide heroes with heroic armor and a horse; description of a horse-friend, heroism; matchmaking and marriage, etc.

Key words: epic; Yakut olonkho; Tuvan legend; comparative study; Türks; plot; motives; typological communities.

MATERIAL RESOURCES

- Khunan-Kara. (1997). In: *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya*, 12. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye predpriyatiye RAN. 54—297. (In Tuvín.).
- Nyurgun Bootur Stremitelnyy. Yakutskoye olonkho*. (1947). Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

REFERENCES

- Emelyanov, N. V. (1980). *Syuzhety yakutskikh olonkho*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Emelyanov, N. V. (1983). *Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Emelyanov, N. V. (1990). *Syuzhety olonkho o rodonachalnikakh plemeni*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ergis, G. U. (1974). *Ocherki yakutskogo folklor*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gatsak, V. M. (1989). *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni: Istoricheskoye issledovaniye poetiki*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gogoleva, M. T. (2014). Olonkho i tuvinskiye geroicheskiye skazaniya. *Vestnik SVFU*, 11 (4): 62—68. (In Russ.).
- Grebnev, L. V. (1960). *Tuvinskiy geroicheskiy epos: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza*. Moskva: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
- Illarionov, V. V. (1982). *Iskusstvo yakutskikh olonkhosutov*. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Illarionov, V. V. (2006). *Yakutskoye skazitelstvo i problemy vrozhdeniya olonkho*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Ivanov, V. N. (2014). *Olonkho — unikalnoye yavleniye v mirovoy epicheskoy culture*. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. (In Russ.).
- Khertek, L. K. (2005). *Mifologicheskiye traditsii v tuvinskiikh geroicheskikh skazaniyakh (syuzhety i obrazy): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Kuular, D. S. (2000). *Tuvinskiy folklor v kontekste tsentralnoaziatskikh ustno-poeticheskikh traditsiy: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Ulan-Ude. (In Russ.).
- Maak, R. K. (1887). *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti*, 3. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Meletinskiy, M. E. (1963). *Proiskhozhdeniye geroicheskogo eposa: ranniye formy i arkhaiskiye pamyatniki*. Moskva: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
- Nikiforov, V. M. (2002). *Stadii epicheskikh kolliziy v olonkho*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Nikiforov, V. M. (2010). *Ot arkhaischeskogo olonkho k rannefeodalnomu eposu: istoriya fiktsatsii i spetsifika interpretatsii*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Oboyukova, V. V. (2015). Sravnitelnyy analiz epicheskikh syuzhetov (na materiale yakutskogo i tuvinskogo eposov). In: *Sravnitelnoye izuchenie tyurko-mongolskikh ep-*

- osov: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 59—68. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1955). *Istoriya Yakutskoy ASSR, 1: Yakutiya do prisoyedineniya k Russkomu gosudarstvu*. Moskva-Leningrad. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (2013). *Yakutskiy epos (olonkho) i yego svyaz' s yugom*. Yakutsk: Saydam. (In Russ.).
- Orus-ool, S. M. (2001). *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya: tekstologiya, poetika, stil'*. Moskva: Maks Press. (In Russ.).
- Pekarskiy, E. K. (1918). *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, 2 (2)*: 191—258. (In Russ.).
- Priklonskiy, V. L. (1891). Yakutskiy narodnyye poveriya i skazki. *Zhivaya starina*, 3: 139—148. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (1962). *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho. Osnovnyye obrazy*. Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (1975). *Ot folkloro k literature*. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2004a). *Geroicheskiy epos altaye-sayanskikh narodov i yakutskiy olonkho*. Yakutsk: Izdatelstvo SO RAN, Yakutskiy filial. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2004b). *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho: publikatsii, perevod, teoriya, tipologiya*. Yakutsk: Izdatelstvo SO RAN, Yakutskiy filial. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2013). *Olonkho — drevniy epos yakutov*. Yakutsk: Saydam. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1976). *Metodologiya sravnitelno-istoricheskogo izucheniya folkloro*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1974). *Tyurkskiy geroicheskiy epos. Izbrannyye trudy*. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (2004). Epicheskoye tvorchestvo slavyanskikh narodov i problemy sravnitel'nogo izucheniya eposa. In: *Folklor Zapada i Vostoka: Sravnitelno-istoricheskoye ocherki*. Moskva: OGI. 235—236. (In Russ.).